

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
BLACK SEA PEACEBUILDING NETWORK
РОССИЙСКАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА
ДОКЛАД № 2011/1

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ).

ДОКЛАДЧИК:

АЛЕКСАНДР СКАКОВ, ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

После признания Россией независимости двух бывших грузинских автономий стало общим местом сравнение Абхазии и Южной Осетии, как пройденного ими пути, так и современного состояния. События августа 2008 года, по-разному затронув эти республики, поставили их, тем не менее, в один ряд. Ранее в тот же ряд ставили Нагорный Карабах и Приднестровье. Тем не менее различий сохраняется не меньше, чем сходств. Конечно, главное сходство – возникновение всех этих государств стало следствием распада СССР. Но затем их судьбы стали различными. Таковыми они остаются сейчас. Вероятно, судьбы Абхазии и Южной Осетии будут различными и в дальнейшем.

Значительную роль в этом сыграло то обстоятельство, что различную позицию по отношению к ним традиционно занимала Россия. Если по отношению к Абхазии Россия в 1990-е гг. некоторое время выступала если и не как «злая мачеха», то уж точно как предвзятый и злой следователь, то к Южной Осетии Москва всегда была повернута лицом. Другое дело, что это лицо не всегда выражало искреннее участие и дружбу, можно было счесть его равнодушным. Однако впоследствии ситуация изменилась. Отныне Россия выступает как союзник, друг, защитник Южной Осетии. Но за прошедшие с момента официального признания почти 2,5 года ни Цхинвал, ни Москва так еще и не определились ни с целями нового государственного проекта, ни со сценариями и механизмами дальнейшего развития

Если целью абхазов было и есть строительство независимого государства, пусть и находящегося в тесном союзе с Россией, то целью народа южных осетин всегда было объединение разделенного границей осетинского народа в составе России. Если по отношению к Абхазии вплоть до признания её независимости можно было говорить о наличии нескольких векторов, нескольких партнеров, пусть Россия и являлась главным (в качестве особых партнеров имеются в виду Турция и абхазо-адыгский мир зарубежья), то для Южной Осетии единственным партнером и единственным вектором являлась и

является Россия. Но есть некоторая особенность, связанная с наличием своего рода «посредника» между Москвой и Цхинвалом в лице Владикавказа, то есть Северной Осетии-Алании.

Недопустим и бесперспективен сценарий превращения Южной Осетии в своего рода «большую военную базу» России, лишенную какого-либо производящего хозяйства и ориентированную только на обслуживание воинского контингента.

Внутриполитическая ситуация в Республике Южная Осетия (РЮО) определяется сейчас не только признанием независимости республики со стороны России, но и рядом внутренних факторов, среди которых необходимо выделить прошедшие здесь 31 мая 2009 г. парламентские выборы и предстоящие в конце 2011 г. президентские выборы. Речь идет о взаимоотношениях политических элит внутри нового признанного государства. После августовских событий 2008 г. режим Эдуарда Кокойты, с одной стороны, усилил свои позиции и консолидировался, вытеснив за пределы республики ряд не совсем лояльных по отношению к нему влиятельных персон. При этом, правда, иногда возникало ощущение, что Кокойты своими руками стал создавать себе новую оппозицию. Из активной политики был удален пользующийся уважением в республике бывший спикер парламента Знаур Гассиев, со скандалом уехал из Южной Осетии хорошо проявивший себя во время августовских событий секретарь Совета безопасности РЮО Анатолий Баранкевич, поначалу не нашел себе места в новой конфигурации власти бывший вице-спикер Тарзан Кокойты. В оппозицию ушла Народная партия Роланда Келехсаева, политика, изначально лишённого далеко идущих амбиций. Из-за проблем, возникших при строительстве газопровода, в оппозицию ушел и стал в значительной степени её финансировать гендиректор фирмы «Стройпрогресс» Альберт Джусоев.

В итоге, как и ожидалось, в 2009 г. оппозиция стала группироваться вокруг Джусоева. Кроме Келехсаева и Баранкевича, к ней примкнули амбициозный лидер оппозиционной партии «Фыдыбаста» Вячеслав Гобозов, экс-прокурор республики Ахсар Кочиев, банкир Леонид Тибилев, бывший премьер, а ныне сотрудник «Стройпрогресса» Юрий Морозов, главный тренер сборной России по вольной борьбе Дзамболат Тедеев, бывший премьер республики, ныне глава Фонда «Гражданская инициатива» и сотрудник аппарата Совета Федерации России Олег Тезиев, бывший зампред Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Госдумы России Анатолий Чехоев. Значимой вехой в объединении оппозиции стал её Форум в Москве 9 октября 2009 г. Состав оппозиции, однако, являлся пестрым, единого и харизматичного лидера у неё не было, хотя на эту роль, вероятно, претендовал Гобозов. Единственная объединяющая оппозиционеров идея – требование досрочных президентских выборов. Тем не менее потенциал оппозиции был и остался весомым, так как число недовольных действиями властей среди южных осетин не уменьшается. Упомянем хотя бы о низких зарплатах (на начало весны этого года МРОТ в республике составлял 907 рублей, средняя зарплата – 3700 рублей), высоких ценах (большинство продуктов и товаров народного потребления в республику завозят из России), массовой безработице.

Рейтинг оппозиции в югоосетинском обществе не может не расти, хотя бы потому, что на популярность действующей власти отрицательно повлияли задержки с восстановлением Цхинвала и строительством газопровода Дзаурикау-Цхинвал, массированное расхищение гуманитарной помощи, отказ России от финансирования ряда анонсированных объектов. Соответственно, рейтинг Кокойты не мог не упасть. Кроме того, нужно принять во внимание, что во властных кругах Южной Осетии сейчас слишком заметное место занимают некоторые скомпрометировавшие себя фигуры. Согласно опросам, на конец

2009 года 73 % южных осетин считали общественно-политическую ситуацию в республике сложной, 75,7 % не были удовлетворены темпами восстановления республики.

Попытки руководства России поставить правящие круги Южной Осетии под действенный контроль и остановить расхищение выделяемых республике средств пока, как представляется, не увенчались успехом. Назначенные на ряд высоких постов «выдвиженцы» Москвы оказались не в состоянии контролировать финансовые потоки. Проблема в том, что в республике глава правительства и министры традиционно являются во многом декоративными фигурами, а управление финансовыми потоками сосредоточено лично на Кокойты и на его окружении. Хотя нельзя не отметить, что некоторым уравнивающим фактором служит сохранение в команде Кокойты ряда некомпрометированных и неординарных политиков.

Стремлением создать своего рода противовес «команде» Кокойты стало назначение на пост премьер-министра Южной Осетии Вадима Бровцева, который сразу же привел за собой свою «команду», получившую в республике название «озерские» (по г. Озерск Челябинской области, выходцем откуда является Бровцев). С появлением Бровцева, пользующегося однозначной поддержкой Москвы, возможности «команды» Кокойты бесконтрольно и безнаказанно расходовать российскую финансовую помощь, как в её бюджетной части, так и в части восстановительного процесса, резко сократились. Кроме того, Бровцев, и это, вероятно, стало его ошибкой, развернул настоящую информационную войну (в российских СМИ и в Интернете) против руководства республики и лично Кокойты. В свою очередь значительная часть политически активных жителей Южной Осетии (вовсе не обязательно симпатизирующая действующему президенту) негативно относится к Бровцеву и его команде, обвиняя ее в безразличном отношении к республике, применении специфических методов хозяйствования, способствующих росту коррупции и социального расслоения.

Существует миф о тотальной коррумпированности Южной Осетии. На самом деле большая часть разворовываемых средств «исчезает» или на уровне московских министерств и ведомств, или на уровне самой команды премьер-министра, до южноосетинских чиновников доходят, по большому счету, копейки. Имели место совершенно скандальные случаи, к примеру, закупки дорогих голландских комбайнов, техническое обслуживание которых в республике невозможно, запредельных гонораров для приглашенных из Москвы лекторов.

Еще один распространяемый «недоброжелателями» Кокойты миф связан с абсолютным якобы отсутствием в республике собственных кадров и необходимости завозить их (от строительных рабочих до министров) из России. И это на фоне растущей безработицы, рост которой не так давно подтолкнуло прошедшее по инициативе Министерства обороны РФ широкомасштабное (по первоначально озвученным цифрам, с 2800 до 200 человек) сокращение югоосетинской армии. Никакой программы социальной адаптации вчерашних военнотружущих правительство республики не предложило, что способствовало маргинализации по крайней мере части бывших югоосетинских военных. При такой безработице, с одной стороны, и нехватке рабочих рук – с другой было бы целесообразно наладить действенную систему льготного обучения южных осетин в России при гарантированном возвращении этих кадров на родину. Хотя система квот для этого существует, но ее эффективность крайне незначительна.

Борьба, идущая между «командами» Кокойты и Бровцева, с неизбежностью замедляет и затрудняет восстановление республики. Самая главная проблема заключена в том, что до сих пор не выработана и, по сути, не вырабатывается стратегия экономического развития

Южной Осетии как государства, пусть и обреченного на долговременную финансовую помощь со стороны России. Ситуацию усугубляет законодательный вакуум. В РЮО формально действуют основные российские кодексы, в том числе Налоговый, который разрабатывался для государства, несопоставимого по масштабам с Южной Осетией.

В «команде» премьер-министра до сих пор не определились, делать ли ставку на развитие в республике собственного сельского хозяйства или же дешевле завозить сельхозпродукцию из России. Недостаточно учитывается проблема кадров, не проведена инвентаризация земель и т. д. В правительстве республики ставка делается также на развитие производства строительных материалов и туризм. При этом из виду упускается главное – отсутствие коммуникаций. Хорошо известно, что единственной гарантией выживания Южной Осетии стало наличие стратегического шоссе – Транскама. Не было бы его – Южной Осетии в ее нынешнем виде не было бы. Экономический кризис положил конец разговорам о строительстве аэропорта севернее Цхинвала. До лучших времен отложен проект строительства дороги-дублера Транскама западнее трассы этой магистрали (через Квайсу и Мамисонское ущелье). Здесь ситуация облегчается наличием (на случай теракта) дороги-дублера Транскама, проложенной недавно во время строительства газопровода и вполне пригодной для машин повышенной проходимости. На сегодняшний день для республики, что вполне понятно, гораздо важнее достроить качественные дороги из Цхинвала в Квайсу и Ленингори. Но это ни в коей мере не решит главную проблему – нерентабельности вывоза любой продукции из Южной Осетии на российский рынок. Самым реалистичным выходом из ситуации стало бы строительство железной дороги, но экономический кризис заставил, хотя бы на время, забыть и об этом проекте.

Другой проблемой, препятствующей экономическому развитию Южной Осетии, является довольно жесткий пограничный режим между ней и Россией. Трудности усугубляются и тем, что пограничная зона в Северной Осетии с особым режимом въезда, перемещения, хозяйственной деятельности глубоко продвинута внутрь территории России, занимая практически всю горную часть республики. Необходимость согласования с пограничниками любых хозяйственных работ создает почву для коррупции. В случае сокращения размеров погранзоны новый импульс к развитию получит район Зарамага (Зарамагская ГЭС), который будет играть крайне важную роль для экономического развития как Северной, так и Южной Осетии.

Основной проблемой Цхинвала в настоящее время является крайне недостаточное и уязвимое водоснабжение. Во время блокады города грузинскими вооруженными формированиями до войны 2008 г. это уже привело фактически к коллапсу городской жизни, когда жители были вынуждены выстраиваться в очереди к немногочисленным родникам на окраине Цхинвала. Сейчас город нуждается в строительстве новых резервуаров для водоснабжения и замены водопроводных труб. Выдвигалось несколько проектов кардинального решения проблемы водоснабжения города, ни один из них пока не реализуется. В дальнейшем было бы перспективно развивать в этой по преимуществу горной республике энергетику, к примеру, построить каскад малых ГЭС.

Бытующее в российских СМИ с подачи противников режима Кокойты представление об отсутствии какого-либо прогресса в восстановлении республики не соответствует действительности. Восстановлена большая часть кровель многоквартирных домов (более 80 %), построен так называемый «Московский» микрорайон, ремонтируются дороги, в том числе южноосетинский участок Транскама. При этом «знаковые» для Цхинвала здания Парламента и Университета, сожженные грузинскими войсками в августе 2008 года, продолжают лежать в руинах. Не все жители получили и полагающиеся

«погорельцам» мизерные денежные компенсации. В конце 2008 года Россия пообещала выделить Южной Осетии на восстановление республики 11,5 млрд. рублей, затем, ссылаясь на кризис, сумму сократили до 7-8 млрд., реально дошло до республики, по имеющимся оценкам, только 1,5-2 млрд.

Другая важная для республики социально-экономическая и политическая проблема связана с восстановленной в 2008 года юрисдикцией Цхинвала над основной частью Ленингорского (Ахалгорского) района (западная часть района с центром в селе Цинагар подчинялась Цхинвалу и до этого). Главной проблемой остается интеграция оставшегося грузинского населения, в первую очередь в Ленингорском районе, в общество Южной Осетии. Основными условиями успешной интеграции являются безопасность и возможность образования, причем на грузинском языке, но с неперенным условием изучения русского и желательно осетинского языка. Иначе молодежь Ленингорского района не останется в Южной Осетии или же уедет продолжать образование в Грузию. Важнейшей задачей остается обеспечение участия грузинского населения в выборах при условии его паспортизации. Очевидно, в настоящее время руководство Грузии делает ставку на «вымывание» грузинского населения, в первую очередь из Ленингорского района. Покинувшим район бесплатно предоставляются коттеджи, выдаются компенсации, гуманитарная помощь. Напротив, руководство Южной Осетии практически ничего не противопоставляет этой политике: работавшие до августа 2008 года в Ленингори предприятия закрыты, пенсии и зарплаты бюджетникам выплачиваются с очень большими перебоями, в районе нет осетинского телевидения, с перебоями работает осетинский оператор мобильной связи и т. д. В результате, по имеющимся данным, район за 2008-2009 годы покинуло 40 % оставшегося здесь осетинского (!) населения. В то же время в республике оседают выходцы из Дагестана, приезжающие в РЮО в качестве строителей. В перспективе могут возникнуть исламские общины. Не исключено, что в дальнейшем в связи с изменениями этнического и конфессионального состава населения могут возникнуть и новые конфликты.

Подавляющее большинство населения Южной Осетии пока еще выступает за её скорейшее вхождение в Россию. По словам В. Гобозова, в основе заявлений о необходимости такого шага лежат «боязнь, неумение и нежелание строить свое государство». Тем не менее как в рядах оппозиции, так и среди населения в последнее время стали нарастать настроения в пользу курса на реальную независимость республики. По доминирующему на сегодняшний день в южноосетинской политической элите представлению, после признания РЮО вопрос о воссоединении снят, и сейчас следует работать исключительно на укрепление независимости.

Здесь, однако, возникает и другая тенденция: консолидация южноосетинской оппозиции с частью североосетинской элиты на почве строительства единого независимого осетинского государства. Часть североосетинской политической элиты расценивает признание Россией независимости Южной Осетии как шанс построить действительно независимое государство, впервые за несколько столетий появившийся у осетинского народа (который они считают единым). Эта часть элиты ни в коей мере не может считаться антироссийской, но логика наметившихся процессов потенциально может привести ее к мысли о постановке задачи создания независимого осетинского государства, включающего Южную и Северную Осетию, вне рамок Российской Федерации.

Однако такой сценарий представляется все же малореалистичным, в значительной мере потому, что интересы североосетинской политической и экономической элиты могут не совпадать с интересами Южной Осетии. Не стоит забывать хотя бы о бизнес-интересах части североосетинской элиты, всегда имевшей устойчивые экономические контакты с

Грузией и получавшей хорошие дивиденды с таможни. Интересы этой части североосетинской элиты и Грузии вполне сходятся – и та, и другая стремятся не допускать на российский рынок югоосетинскую продукцию.

В североосетинской политической элите на протяжении последних десяти-пятнадцати лет наблюдалась, по имеющимся оценкам, некая «кударофобия», обусловленная, вероятно, в том числе и экономическими причинами. Парадоксально, что североосетинская политическая элита (в отличие от широких масс населения республики) в течение долгого времени упорно и настойчиво выступала против признания Россией независимости Южной Осетии. Даже после летней «малой» войны 2004 года и обострения ситуации вокруг Южной Осетии считалось, что решение судьбы этой территории – дело десятилетий, а говорить о присоединении республики к РФ вообще нереально. Поиск же выходов из конфликтной ситуации во Владикавказе видели тогда на путях трансграничного сотрудничества между соседними регионами России и Грузии, в которое со временем может вписаться и Южная Осетия.

В этом контексте важно упомянуть об исторически сложившихся различиях менталитета северных и южных осетин, о неизбежном для южан положении «младшего брата» в единой Осетии (по аналогии с положением ингушей в советской Чечено-Ингушетии). Североосетинское чиновничество всегда опасалось, что в случае объединения двух Осетий ему придется поступиться частью денежных должностей в пользу более активных и мобильных выходцев с Юга. Все эти факторы заставляют сделать однозначный вывод – объединение Северной и Южной Осетии в единую республику в составе Российской Федерации категорически неприемлемо для южноосетинской политической элиты, опасно для североосетинской политической элиты. Другой сценарий, который был распространен в политических кругах РЮО, – это ее включение в состав Российской Федерации на правах отдельного субъекта федерации. Но, учитывая международные обязательства России и ситуацию в Кавказском регионе (одно дело – признание независимости нового государства, находящегося на территории другого государства – члена ООН, другое дело – аннексия части территории такого государства), на реализацию такого сценария Москва не пойдет. Осуществление сценария присоединения РЮО к РФ стало бы первым прецедентом такого рода не только на постсоветском пространстве, но и в Европе в целом. Последствия такого шага для российской внешней политики были бы крайне негативными. Тем не менее представляется, что при определенных обстоятельствах такой сценарий все же может быть реализован, например в случае возникновения крупного кризиса или вооруженного конфликта на Кавказе, непосредственным участником которого Россия не являлась бы. Так что, скорее всего, на ближайшую перспективу, несмотря на проекты различных сценариев ее будущего, Южная Осетия, скорее всего, обречена на независимость в ее нынешней политической форме.

По мере приближения президентских выборов 2011 года все острее встает проблема о дальнейших путях развития республики. Но главный вопрос заключается в том, кто сменит Кокойты, у которого заканчивается второй срок пребывания во главе РЮО. Приход к власти лидеров оппозиции неизбежно вызовет, хотя бы они этого и не хотят, ужесточение борьбы кланов и общее обострение ситуации в республике. Наиболее перспективными кандидатами могли бы быть те политики, которые, являясь членами команды Кокойты, в то же время в значительной мере сохранили свою независимость.

В окружении Кокойты были и неоднократно озвучивались намерения изменить Конституцию РЮО путем проведения референдума. Для принятия такого решения требовалось разрешение из Москвы, в его ожидании даже некоторые двусмысленные заявления окружением Кокойты воспринимались как обнадеживающие сигналы. Здесь

необходимо учесть, что сейчас в процессе государственного строительства в Южной Осетии элита занята копированием российской и североосетинской бюрократической системы, хотя, с учетом малочисленности населения и нехватки кадров, для республики подошла бы более мобильная и «облегченная» модель.

Не сразу, но в течение лета 2010 года Москва четко дала понять Кокойты, что изменение, а по сути – нарушение Конституции республики и заход на третий срок неприемлемы. Нереализуема и «грузинская» (или «российская») модель с расширением полномочий премьер-министра и переходом Кокойты на этот пост после окончания его президентских полномочий. Нереализуема она в первую очередь потому, что премьер-министром сейчас является человек не из команды Кокойты, а назначенец Москвы, и расширять его полномочия президент Южной Осетии вряд ли захочет. Категорически против такого сценария выступит и парламент республики, и вся республиканская политическая элита. Летом текущего года на съезде пропрезидентской партии «Единство» Кокойты заявил о невозможности для себя третьего президентского срока. Это обстоятельство резко повысило шансы кандидатов от оппозиционных партий Станислава Кочиева (лидер Компартии РЮО) и Вячеслава Гобозова (лидер партии «Фыдыбаста»). Сразу же активизировались и другие политические силы.

Казалось бы, сценарий предшествующей президентским выборам избирательной кампании будет крайне простым: кандидат от «партии власти», то есть, по сути, назначенный преемник Э. Кокойты, против нескольких кандидатов от оппозиционных сил, которые, как обычно, не смогут договориться и выдвинуть единого кандидата. Но ещё задолго до начала избирательной кампании стало отчетливо видно, что этот сценарий абсолютно не работает. Во-первых, в Южной Осетии отсутствует единая «партия власти». Партию «Единство» - клон «Единой России» нельзя считать таковой как из-за личности её лидера, мягко говоря, не пользующегося уважением в обществе, так и из-за разнородности входящих в неё политических и политико-экономических группировок. Именно это отсутствие единства в правящей элите стало причиной происходящего сейчас быстрого увеличения числа потенциальных кандидатов. Для «сохранения лица» в этой ситуации стал рассматриваться изначально нереалистичный вариант выдвижения нескольких фигур в качестве потенциальных «преемников», одна из которых в результате станет баллотироваться, а другие снимут свои кандидатуры. Очевидно, что в этом случае острой схватки между кандидатами избежать не удастся, не исключена и возможность потери контроля над кем-то из конкурентов.

В качестве возможного «преемника» Кокойты уже летом стали называть минимум трех политиков – лидера партии «Единство» Зураба Кокоева; депутата парламента и директора комбината по производству хлебобулочных изделий Вадима Цховребова; генерального прокурора республики Таймураза Хугаева. Из названных политиков обеспечить реализацию главной задачи – сохранить у власти действующую «команду» Кокойты и гарантировать сохранение стабильности в республике – смогли бы, как представляется, только Цховребов и Хугаев, являющиеся хорошими и жесткими руководителями. Оба они абсолютно лояльны и к президенту, и к «ядру» его «команды». Кроме того, Хугаев является ближайшим родственником президента Кокойты (брат Э. Кокойты Роберт – посол РЮО в Абхазии – вторым браком женат на сестре Хугаева). И в случае, если бы Москва согласилась на реализацию «операции “преемник”» и к тому же не стала бы навязывать Кокойты ту или иную кандидатуру, шансов у В. Цховребова или Т. Хугаева стать очередным президентом РЮО было бы достаточно много. При этом административного ресурса президента может хватить как на нейтрализацию возможных компроматов, так и на достижение конечного результата.

В отличие от Хугаева и Цховребова, З. Кокоев постепенно стал вызывать все большее раздражение в окружении Кокойты – благодаря в том числе своим несанкционированным и зачастую непродуманным частым контактам с представителями московских властных структур. То есть попытка вести собственную политическую игру оказалась у Кокоева неудачной. Кроме того, Кокоев не является оратором, а общественное мнение настойчиво связывает с его именем (в его бытность мэром Цхинвала) некоторые коррупционные скандалы.

В последние полгода во властных кругах республики наметился своего рода союз спикера парламента Станистава Кочиева, лидера партии «Единство» З. Кокоева, премьер-министра В. Бровцева. Этот союз объединяет политиков с абсолютно противоположными целями, которые сходятся только в одном – желании противостоять президенту РЮО Э. Кокойты. Непрочность этого союза обусловлена и наличием в его составе минимум двух политиков, имеющих президентские амбиции. Лидер Компартии С. Кочиев позиционирует себя как оппозиционер, при этом он не связан с «традиционной» оппозицией. Являясь спикером, Кочиев ассоциируется с действующей властью, будучи вынужденным разделять с ней ответственность за все ошибки.

К «партии власти», по формальным признакам, принадлежит реально независимый кандидат посол РЮО в РФ Дмитрий Медоев. Необходимо учитывать, что Медоев на протяжении последних минимум десяти лет постоянно находится в Москве, в республике бывает только наездами, его здесь «забыли». Еще один «недостаток» Медоева (фактор, который при умелой раскрутке может обернуться против него) – его близость в прошлом к группе известного югоосетинского националиста Алана Чочиева, окружение которого представляет собой самостоятельное оппозиционное течение, жестко противостоящее руководству как Северной, так и Южной Осетии.

Оппозиция по-прежнему объединяется вокруг Дж. Тедеева и А. Джуссоева, которые проживают в Москве, но имеют тесные связи с Южной Осетией. Учитывая возможные риски, оппозиция предполагает выдвинуть в качестве кандидатов нескольких человек. Скорее всего, регистрация В. Гобозова в качестве кандидата не будет допущена исходя из ценза оседлости (10 лет). Уже не раз озвучивалось, что прописка в РЮО не является свидетельством проживания В. Гобозова в Южной Осетии. Если он не станет кандидатом, то оппозиция не сможет выдвинуть ни одного харизматичного лидера, способного повести за собой избирателей. Джуссоев, даже если бы и изъявил желание баллотироваться, не смог бы пойти на выборы, поскольку ему мешает ценз оседлости. Та же проблема у чемпиона Европы по вольной борьбе Дзамболата Тедеева, который был одним из тех, кто в свое время привел Кокойты к власти, а также у изгнанного из республики Анатолия Баранкевича. Кроме того, в борьбе за протестный электорат «джуссоевская» оппозиция будет конкурировать с Компартией и её лидером С. Кочиевым. Тем не менее главное оружие оппозиции – критика действующей власти. И, чтобы противостоять напору оппозиции, «команде» Кокойты надо было срочно взять курс на серьезную борьбу с коррупцией.

Ему, используя, как считается в республике, московские рычаги, удалось ограничить активность неформального лидера оппозиции бизнесмена А. Джуссоева. Недавно Кокойты публично открестился от одного из своих наиболее «преданных» сторонников председателя Госкомитета по реализации проектов восстановления РЮО Зураба Кабисова, «назначенного» ответственным за затягивание восстановительного процесса. Вероятно, Кабисова решили сделать «крайним» из-за опасений использования вопроса о финансовых махинациях против кандидата от «команды» Кокойты на предстоящих выборах. В качестве ответственного за неудачи восстановления республики традиционно

называют также руководство ФГУ «Южной дирекции реализации программ и проектов», подчиняющееся Министерству регионального развития России. Именно это министерство называют в качестве основного покровителя Бровцева в московских эшелонах власти. Претензии Кокойты в адрес «Южной дирекции» были, кстати, подтверждены и проверкой Генеральной прокуратуры РФ.

Теперь, решив пожертвовать одной из фигур из своего окружения, Кокойты перехватил инициативу у Бровцева, нейтрализовал его и смог как бы «подняться над схваткой», получить роль независимого арбитра и непримиримого борца с коррупцией. Теперь ему гораздо проще станет обвинять в коррупции и заводить уголовные дела против членов «команды Бровцева». В ближайшие месяцы свои окончательные выводы парламенту республики должна представить парламентская комиссия по расследованию деятельности правительства, созданная ещё весной. Отрицательный характер этих выводов сомнения не вызывает. Все это неизбежно ослабит позиции Бровцева и усилит Кокойты.

Нейтрализовав Бровцева, Кокойты, вероятно, захочет в полной мере зачистить политическое поле и обеспечить победу преемника (Цховребова или Хугаева). Сценарий кажется логичным, но он не учитывает важнейшего для республики фактора – роли России. Согласится ли Россия на «операцию “преемник”»? Где и в каком качестве видит Россия нынешнего президента Южной Осетии после президентских выборов? На эти вопросы пока нет ответа. Но при любых раскладах ни одна из идущих на президентские выборы сил или группировок не станет использовать антироссийскую риторику и не изменит курс Южной Осетии на тесный союз с Россией. Это не является темой для обсуждения в республике. Также в республике на сегодняшний день отсутствуют какие-либо «прогрузинские» силы, то есть силы или политики, открыто заявляющие о своей симпатии к Грузии и о возможности возвращения Южной Осетии в её состав пусть даже и на правах не «Самачабло», а автономного образования.

Москва, безусловно, не пустит ситуацию в республике на самотек, хотя получаемые ею из Южной Осетии сигналы, очевидно, несколько различны (учитывая самостоятельную игру премьер-министра). Совершенно не просматриваются варианты, при которых Москва может отступить и «сдать» Южную Осетию в обмен на нормализацию отношений с Тбилиси (как бы «разменять» Южную Осетию на Абхазию). Любопытно, что такие слухи часто подпитываются зарубежными экспертами и политиками.

На Западе, как и в Грузии, и даже в некоторых кругах России ещё существует иллюзия того, что Москва может отказаться от признания Южной Осетии и Абхазии. Пока Запад продолжает, используя различные механизмы воздействия, рекомендовать России сделать это, такая позиция ощутимо облегчает задачу Москве. Судя по всему, такая ситуация сохранится на длительную перспективу. С точки зрения российских правительственных кругов, если Запад не готов учитывать озабоченности России, то и Москва лишена необходимости идти на уступки и компромиссы, к примеру, в вопросе о работе миссии ОБСЕ на территории Южной Осетии. По мнению России, уступки должны быть двусторонними, а этого не происходит. То есть любое сотрудничество с ОБСЕ и ЕС (да и с другими организациями) в вопросах, связанных с Южной Осетией, для Москвы и Цхинвала не является самоцелью и может быть обусловлено лишь серьезными шагами навстречу им со стороны этих организаций.

Очевидно, что работе на территории Абхазии и Южной Осетии каких-либо миссий ОБСЕ, ООН и ЕС препятствует только одно – желание функционеров этих организаций именовать новые республики территорией Грузии. Представляется, что если бы эти организации и институты нашли бы нейтральную формулировку, не означающую

признания независимости, но позволяющую всем сохранить лицо, то у них не было бы проблем с тем, чтобы на месте отслеживать ситуацию в Абхазии и Южной Осетии.

Внутриполитическая ситуация в Южной Осетии за год до предстоящих президентских выборов имеет явную тенденцию к усложнению, связанную с отсутствием общепризнанного фаворита грядущей кампании и наличием большого числа влиятельных игроков. Таким образом, угроза нарастания внутриполитической нестабильности в ходе предвыборной кампании накладывается на отсутствие у власти (как у президента, так и у правительства) какого-либо сценария развития республики.

Участники экспертной группы,

принимавшие участие в обсуждении доклада:

Андрей Арешин (Фонд стратегической культуры)

Александр Крылов (Институт мировой экономики
и международных отношений)

Андрей Рябов (Московский Центр Карнеги)

Николай Силаев (Центр кавказоведения Московского государственного
института международных отношений)

Иван Сухов (Газета «Время новостей»)

Ольга Воркунова (Центр проблем мира и развития)